

Иван
Карасёв

ВОДКА

ЭНД

БЕЛАРУС КОНСУЛЭЙТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНЮЮ

БРАНЬ

18+

Иван Карасёв

Водка энд Беларус консулэйт.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48808518

SelfPub; 2021

Аннотация

«Водка энд Беларус консулэйт» – история о богатом американце, заливавшем водкой ностальгию о России и о том, как с его ностальгией причудливо переплелось наше славянско-белорусское разгильдяйство. В смешные ситуации попадают и герои других рассказов автора, как, впрочем, и он сам («Как один мужик двух французских программистов прокормил»). Порой даже серьёзное мероприятие – военные манёвры («Маршал хочет сена») не обходится без курьёзных происшествий. Ведь до какой степени глупости можно дойти, желая угодить командующему? Но автор пишет не только о забавных случаях: из-под его пера выходят также рассказы о человеческих судьбах, житейских драмах и настоящих трагедиях. Это о людях – «Американец», «Девичье горе». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Как один мужик двух французских программистов прокормил	4
Водка энд Беларусь консулэйт	21
Новый американец	32
Инесса и ребята	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Иван Карасёв

Водка энд Беларус

консулэйт.

Сборник рассказов

Как один мужик двух французских программистов прокормил

Для чего люди едут во Францию? Разные бывают причины, но чаще всего одна – увидеть Париж (Лион, Каркассон, замки Луары) и умереть, или забраться на Эйфелеву башню и зарядиться её, как некоторые говорят, энергетикой, или посетить Лувр и стоять, не дыша, перед Моной Лизой. У меня же был совсем иной резон.

Во-первых, в Париж меня вот уже сколько-то лет не тянет совершенно; Эрмитаж – музей не хуже, и башню Газпрома вот-вот закончат, а выглядит она значительно интереснее Эйфелевой, всё-таки технологии шагнули далеко вперёд. Но не только поэтому – по личному опыту знаю, что в столице Франции остаётся всё меньше и меньше французского, иногда даже чувствуешь себя очень одиноко в обычной уличной толпе, так и тянет спросить: «А тут кто-нибудь говорит по-

французски, ну или хотя бы по-английски?» Наиболее слабонервные записываются на курсы арабского, но я к таковым не принадлежу, просто дезертирую, это не трусость, а пример трезвого анализа ситуации.

Нет, я не расист, цвет кожи человека не критерий отбора. Я, скорее, консерватор, не приемлю картину превращения центра европейской цивилизации последних веков в крупнейший африканский культурный центр в Европе формата постбрэксит (вроде бы в Лондоне в этом отношении ещё «лучше»). Грустно становится от того, что населяющие Большой Париж люди абсолютно равнодушны к его истории и культуре. У них другие ценности, пардон за модное слово. Но мне почему-то не хочется молиться Аллаху, расстелив под коленями коврик, по какой-то непонятной причине больше испытываю желание посмотреть коллекции импрессионистов в музее Орсе.

Во-вторых, значительную часть территории Франции я уже объездил, в иных местах бывал по нескольку раз, а когда «Такую разную Францию», наконец, после долгих мук выбора среди стоящих в очереди издательств напечатают в титульной стране очерка, боюсь, путь автору этих строк в некоторые города вроде Парижа, будет заказан. Зато, к примеру, про Италию я ещё ничего не написал, а там для меня пока очень много белых пятен.

Поэтому причина очередной поездки оказалась совершенно банальной – давно хотел накормить чем-нибудь ори-

гинальным двух своих старших сыновей-французов. Хотя и живут взрослые уже мальчики во Франции, а готовить сами не очень любят и не шибко умеют, сварят себе макароны, купят ветчины, багет да круассаны, а в остальное время мучаются в общепите, а там одна ерунда – эскалопы, говядина по-бургундски, телятина в сливочном соусе, утиные ножки в собственном соку, устрицы, киши по-лотарингски, паштеты, риеты свиные и рыбные, фуагра гусиная и утиная, улитки жареные в ракушках, профитроли – скука сплошная. Надо всё-таки иногда еду разнообразить. Но как? Сала во Франции не найдёшь, селёдку дети мои не признают, рассольник я сам не люблю, выход один – приготовить им борщ. Кого только я им не кормил в последнее время, а вот дети мои старшие оказались обделёнными.

К поездке подготовился основательно, даже заправку для борща купил, она хорошо дополняет остальные ингредиенты блюда, которые я надеялся приобрести на месте. Одно беспокоило: в аэропорту на безопасности отберут, она же жидкая в общем-то, а в инструкциях авиационных написано, что жидкости нельзя пропускать, они, дескать, имеют обыкновение взрываться в самолёте. Представляете себе такой взрыв свекольной заправки, это же просто кошмар какой-то: всё багрово-красное вокруг вплоть до белоснежной рубашки командира корабля! Но пронесло, возможно зоркий глаз сотрудника безопасности принял содержимое 250-ти граммового пакета за консервированных червяков. Мало ли что ве-

зут люди за границу, вон, оказывается, на экспорт уже наша косметика пошла, так чему после этого удивляться? Может посоветовать гениям косметического дела в России создать специально для Европы парфюмы классических российских запахов: для женщин – аромат трёхдневных носков грузчика, например, или потного женского тела для мужчин (с тёплым пивом, говорят, хорошо гармонирует)?

Но я отвлёкся, к счастью, взрослые детки решили собраться не в Париже, а в красивом городе вблизи Атлантического побережья под названием Нант. Про Нантский эдикт Генриха Четвёртого слышали? Так это там имело место. В Нанте обосновался Алексей – это младший, он, кстати, учёбу закончил и, как старший, стал программистом. В семье стало целых два программиста, надо, что называется, отметить. Такое важное событие, собственно, и стало толчком для реализации давно вынашиваемого замысла нашего мальчишника – отметить конец учёбы рюмкой борща. Ведь до этой поездки отпрыски мои о папином борще только слышали, так что пора им попробовать, ну чем не повод для организации совместной гулянки на берегах спокойной Луары!

Так и летел я во Францию на комфортабельном лайнере компании «AirFrance», предвкушая предстоящие пирушки со своими взрослыми детьми. В самолёте накормили, даже вина не пожалели, в общем я был доволен жизнью, когда, пересев на поезд, приближался к ожидавшим меня Марку и Алёше. Одно обстоятельство слегка тревожило – в послед-

ний момент выяснилось, что дома в наличии имелись лишь две пятисотевровые купюры, а с ними в Европе тяжело, не разбежишься, получить сдачу можно только в хорошей гостинице. А в ней-то как раз я и не нуждался. Зачем придумали деньги, которые нельзя использовать? Чудаки.

Карточка помочь не могла ввиду почти полного отсутствия денег на ней. Ничего, думал я, завтра с утра схожу в банк и разменяю, всё-таки цивилизация, не то, что какая-нибудь российская дыра. Но не тут-то было. С утра, пока дети ещё дружно сопели возмужавшими носиками после затянувшихся до трёх часов ночи посиделок, я понёсся в увлекательный тур по близлежащим банкам. Ответы на мой вопрос разочаровывали своим однообразием:

– Нет, мсье, мы не меняем купюры.

Иногда ещё добавляли с лёгким налётом высокомерия:

– В Европе этого уже никто не делает!

Я, принимая уничижительный вид серой российской деревенщины впервые оказавшейся в центре цивилизации, вежливо благодарил за потраченное на меня драгоценное время банковских клерков. Мол, да, простите, мы газет не читаем, не знаем. Надо было, конечно, спросить:

– А давно Португалия вышла из Евросоюза? В тамошних финансовых учреждениях я регулярно размениваю пятисотки.

А потом позлорадствовать, глядя на продвинутого европейца, которому не остаётся ничего, кроме как извиняю-

щимся тоном промямлить какую-нибудь дежурную ерунду.

Впрочем, проблемы с пятисоткой это бы не сняло. Идти пробовать получить сдачу с большой фиолетовой бумажки в ближайший супермаркет в субботу утром тоже было бесполезно. Тогда я придумал простой выход из ситуации – пусть Алёша положит мои евро на свой счёт в ближайшем банкомате и платит за всё! Но это тоже оказалось не так просто, данная операция не предусматривалась в меню денежных машин, пришлось сыну, как мне когда-то в далёкие девяностые, запечатывать деньги в специальный конверт и опускать его в специальный опять же ящик в офисе французского аналога Сбербанка, который и называется также как у нас в старые времена – сберегательная касса. Я смотрел на это действие с растерянностью и некоторыми опасениями (к техническому прогрессу быстро привыкаешь, а всё устаревшее кажется таким неудобным и допотопным!):

– А ты уверен, что они попадут на твой счёт, а не в чей-то карман?

– Да, папа! – лаконично и немного раздражённо по причине моих глупых страхов ответил сын.

– Вот придёт нечестный сотрудник вынимать всё из ящика и скажет, что твоего конверта не было! – не унимался я.

– Папа, такого не бывает, мы не в России! – закрыл тему сын.

Я промолчал, но именно в Париже и в Риме мне не додавали сдачу, хотя, в качестве туриста, приехавшего на несколь-

ко дней, я не так часто там ходил в магазины. Раз пятнадцать-двадцать делал покупки, два раза надули, высокий процент облапошивания! Но тут же забыл о своих страхах, увидев, как за нашими спинами сотрудница банка закрыла двери, двенадцать часов, в субботу банки больше не работают. Успели, обрадовался я, во всём надо видеть положительное, так легче жить. Повезло, что мы веселились не до пяти прошлой ночью, деньги успели положить и на знакомство с достопримечательностями города ещё время осталось. Правда была одна ложка дёгтя в этой огромной бочке с мёдом: в нашей семье платить привык я, даже, когда собираемся все вместе в доме первой жены, всё равно бежит в супермаркет автор этих строк. Теперь я чувствовал определённый дискомфорт – за меня всюду рассчитывается сын, но очень скоро нас с Марком это начало забавлять, и в каждой забегаловке мы официанту, принёсшему счёт, указывали на Алёшу: «Запомните его, теперь он всегда будет платить за нас!» Алёша отвечал нам взаимностью и не давал мне карманных денег, а я просил:

– Сынок, ну дай папе немного бумажек на бухло!

Сын был неумолим:

– Папа, пить вредно! Ночью пили! – Алёша часто бывает правильным, особенно после ночных «бесед», щедро орошённых, как говорят французы (arrosés) разными спиртосодержащими жидкостями.

Так продолжалось весь день, я вживался в роль попро-

шайки, а Алёша – в роль строго родителя. Услышав очередную нижайшую просьбу дать немного денег, он принимал грозный вид и говорил: «Не дам, алкоголик!» Так мы веселились, осматривали историко-архитектурные памятники. А посмотреть было что, но всё это время я ощущал непривычную пустоту в кошельке, где одиноко лежало только несколько тысячерублёвок. Мне было «позволено» лишь вино в ливанском ресторанчике, где мы на скорую руку перекусили, потом попили кофе в кофейне. Лишь ближе к вечеру, сын расщедрился и выделил папе целых шестьдесят евро. Я был на седьмом небе от счастья!

Правда, между тем произошло одно неприятное происшествие – видимо, окончательно вжившись в роль безмозглого иждивенца, думающего только о халявной выпивке, я потерялся, потерялся как маленький ребёнок в большом городе. Это звучит смешно, но так и было. Увлёкшись фотофиксацией достопримечательностей, пошёл не в ту сторону и внезапно осознал, что я один-одинёшенек в беззаботной Нантской толпе. Марк и Алёша рядом не наблюдались, наверное, увлечённые беседой, они ничего не заметили. На лбу выступил холодный пот. В кармане ни сантима, адрес я, конечно, тоже не запомнил, как идти туда тем более, меня ведь вели. Стал шарить по карманам в поисках телефона. Где он? Только что держал в руках! Неужели потерял? А вот, в самом неожиданном месте. Спасён! Спасён ли? В верхней части экрана тревожным сигналом индикатора заряда горела

красная чёрточка. Расплата за безудержное фотографирование. «Ничего, успею», – мелькнуло в голове, надо только скорей. Дрожащими пальцами набираю номер старшего. Долгое ожидание среди мучительно-протяжных гудков. Наконец голос сына:

– Пап, ты где? Мы тебя потеряли.

– Я, я, сейчас, найду табличку. А вот – рю де ла Пэ. Вы подойдёте, а?

Сын почему-то молчал.

– Марк, ты меня слышишь?

Тишина, на том конце линии никто ничего не говорил. Я оторвал телефон от уха, посмотрел на дисплей – он не светился. «Ах ты подонок, не мог на 30 секунд больше прожить!»

Резюмирую. Один, посреди чужого города, без денег, дожид. Присел на каменную ступеньку какого-то административного здания, задумался, ситуация не из весёлых – ещё немного и милостыню просить придётся. Голова стала лихорадочно искать варианты – попросить у кого-нибудь на смартфоне найти имя и фамилию младшего, сеть выдаст адрес, а дальше – язык, как говорится, до Киева, в данном случае до Алёши, доведёт. Благо единственное, что оставалось у незадачливого путешественника – это способность говорить по-французски, а французы – люди отзывчивые, помогут. И когда я встал и двинулся наперерез уже слегка недоумевавшему дядечке средних лет, на ближайшем перекрёстке уви-

дел высокого Марка, махавшего мне рукой – спасение, ура! Беззаботная жизнь продолжается, карьера бомжа не грозит!

Однако время шло, после пережитого потрясения я вспомнил о главном – нужно приготовить борщ, а для этого требовалось купить не только мясо, картошку, свёклу и так далее, но и некоторые кухонные принадлежности. Накануне я сделал ревизию Алёшиного хозяйства и установил отсутствие кастрюли нужного размера, тёрки и даже черпака. Мы не очень хотели ехать из центра к чёрту на кулички, поэтому решили прибарахлиться в сетевом хозяйственно-мебельном магазине с говорящим названием «НЕМА». Это, видимо, на местном новоязе означает «Всё для дома». Пусть дороже, зато время сэкономим. Но проблема оказалась сложнее, нежели мы её себе представляли. Ведь я не умею готовить борщ на три порции, мне подавай хотя бы трёхлитровую ёмкость. Однако приличной большой кастрюли в магазине «НЕМА» было нема. Взяли поменьше, я решил, что сварю в двух кастрюлях, бульон в которой побольше, а потом разберусь. Тёрки в магазине тоже отсутствовали как класс. «Да, – подумал я, – ничего тут нема, недаром так называется, а то, что есть, наверняка могли бы купить раза в полтора-два дешевле в каком-нибудь гипермаркете».

Не хотелось терять время и ехать далеко от центра, поэтому попробовали ещё один магазин, но с тем же результатом. Пришлось садиться на автобус (за все два дня в Нанте я, кажется, не заметил ни одного такси). Большой двухсек-

ционный «Рено» через добрый десяток остановок довёз нас до ближайшего «Ашана», где уж заодно затарились и всем необходимым для борща. Но и там, после долгих поисков, я смог найти только одну маленькую кастрированную полутёрку-полурезку. «Морковь на ней придётся тереть минут пятнадцать», – мелькнуло в голове, но отступить было поздно, так же как и искать другую, в субботу во Франции всё закрывается раньше обычного.

Вернулись на базу, я было уже приготовился одевать виртуальный фартук, потому что настоящего у Алёши не имелось, как взрослые мои парни с мольбой в глазах попросили перенести ритуальное поедание борща на завтра, ибо они были наслышаны о том, что на готовку потребуется часа два с половиной.

– Как дети, вы не хотите папиного борща! – возмутился я.

– Хотим, хотим, но давай завтра, прямо с утра!

Пришлось уступить, изобразив на лице страшное разочарование, хотя и сам предпочёл бы сесть за стол пораньше.

Тридцатиминутная пешая прогулка вдоль живописной речки Эрдр ещё больше раззадорила наши аппетиты. Но вот мы, наконец, и в центре города с его многочисленными кормушками разного вида. Правда, натолкнулись на одно вполне ожидаемое препятствие. Дело в том, что в городе Нант, как это ни странно, все хотят есть, поэтому мест в заведениях общепита в выходные дни не найти. Особенно если твоё желание подкрепиться совпадает по времени с внутренни-

ми позывами и распорядком дня большинства обитателей города, в чём пришлось убедиться ещё во время обеденного перекуса. Ведь я со старшими сыновьями не отношусь к большим поклонникам ливанской кухни, просто все остальные заведения были, можно сказать, битком набиты, кое-где стояли очереди из желающих присесть. Казалось, французы неделю не ели, и вот только сейчас, в субботу им разрешили покормиться в ресторанах и кафе, и они бросились на штурм крепостей гастрономии, брали приступом, измором и ещё другими, только им известными способами.

Мои сыновья вообще-то в тот день мечтали пообедать классическими бретонскими блинами, а пришлось им довольствоваться неведомыми ливанскими закусками. После получасовых хождений по центру в поисках мест в какой-нибудь блинной (а их великое множество во Франции) мы сдались на милость первого встречного, согласившегося нас принять заведения, о чём, к слову сказать, не пожалели.

Но с ужином в субботний вечер оказалось ещё сложнее. Мы шли по узким улочкам центральной части Нанта мимо заполненных людьми террас, на которых дымились, источая божественный аромат, самые разнообразные мясные, рыбные, овощные блюда в соусах тартар или бешамель, майонезном или грибном. Их сопровождали аппетитные гарниры из жареной с краями шоколадного цвета картошки, длинных ростков спаржи, подрумяненных кружков томатов и баклажанов, круглого горошка и обезображенной до неузнаваемо-

сти моркови. Народ безжалостно уплетал за обе щёки, а мы могли только слюнки глотать. Имея евро восемьсот в кармане (то бишь на Лёшиной карточке) на утеху желудка! Вот так жизнь смеётся над тобой.

Но я же должен был накормить своих детей, пусть теперь при помощи Алёшиного пластикового платёжного средства, но должен! Поэтому призвав на помощь всю свою природную изобретательность (хочется верить, что она у меня есть), я стал опрашивать всех встречаемых гарсонов, а не предвидится ли у них свободных мест? Дело в том, что при бронировании столиков, естественно, назначается время, и опоздать можно только на 15 минут (вполне гуманная отсрочка, учитывая огромное количество голодных людей в городе Нанте). И вот, наконец, повезло, один официант ресторана традиционной французской кухни (ура, всё же поедим как положено в стране вкусной еды) сообщил мне по большому секрету, что через пару минут истекает оговоренное время, а гостей всё нет. А потому спустя две минуты и тридцать секунд, взятых на случай несовпадения стрелок наших часов с индикаторами времени на телефонах соперников по столу, я подскочил к благодетелю и получил заветный уголок с тремя стульями. Дети быстренько, но стараясь соблюдать приличествующий заведению темп ходьбы, последовали за мной, нельзя упускать такую возможность! Пустые желудки урчали как машины «Формулы один» перед стартом, но теперь мы были спокойны, особенно я, никто не уйдёт голодным, глав-

ное, чтобы обладатель «общака» Алёша не счёл цены слишком высокими. Но реализм возобладал, и мы хорошо оттопырились в ресторане «Chez maman», что в переводе означает у мамы. Грамотное название, ведь почти каждый мужчина считает, что лучше мамы никто не готовит. Не каждый решается это произнести вслух в присутствии жены, но тут мы готовы были с этим открыто поспорить – утиные ножки и колбаски в остром соусе были бесподобны. Не знаю, как поужинали те, кто бронировал наш столик и, возможно, просто опоздал, но мы были довольны и после сытного ужина, погуляв ещё немного по симпатичным улицам старинного города, весёлые и гастрономически удовлетворённые вернулись домой.

Наше веселье не остановилось и там, благо я, как человек предусмотрительный, запасся в гипермаркете не только тёркой, но ещё и несколькими бутылками вина. Французское вино, кстати, совершенно неожиданно повлияло на «*etat d'esprit*» (состояние души, наверное, так лучше перевести) моих повзрослевших сыновей. В них вдруг проснулась русская кровь, и Алёша включил на ютубе отрывок из фильма «Александр Невский» – атака крестоносцев на льду Чудского озера под музыку Сергея Прокофьева. Очень впечатляющая вещь, вам скажу, пока мне дети не показали, я не замечал. Ну а окончились ночные посиделки просмотром другого шедевра социалистической киноиндустрии – «Иван Васильевич меняет профессию». Тут я ощутил внутреннюю

гордость, не зря я их в детстве мучил советскими фильмами от «Белого солнца пустыни» до «Кин-дза-дза»! Они тогда высиживали перед экраном обязанность просмотреть всю историю солдата Сухова и Абдуллы, а теперь, оказывается, сами не прочь напомнить папе лучшие страницы советского кино. Радость мою омрачило только то, что параллельно с вином абсолютно голодные дети мои уничтожали все запасы Алёшиного холодильника – перспектива утреннего борща становилась всё более и более туманной. Ну а как же миссия по кормлению бедных французских программистов? Неужели придётся перенести её на вечер? Ведь светлое время суток надо посвятить продолжению осмотра достопримечательностей славного (он мне нравился всё больше и больше, несмотря на очевидный дефицит посадочных мест в общепите) города Нанта?

На одной из внутренних галерей замка Нантских герцогов

Так оно и случилось, дети проснулись с явным отвращением к еде, но я их поставил перед фактом, пока они спали, я приготовил всё для борща – сварил бульон, пропассировал на мясных шкварках капусту и морковь с луком. Теперь главной задачей было удержать детей от обжорства во время запланированных прогулок по Нанту. С трудом, но это мне удалось.

Итак, на вечер оставалась сушая ерунда – протереть ва-

рёную свёклу да сварить в бульоне резаную картошку, добавив в нужное время остальные ингредиенты. В общем, дел оставалось на полчаса максимум. Правда жизнь внесла некоторые коррективы в этот стройный план. Кастрированная, с таким трудом купленная, тёрка отказалась измельчать твёрдую морковь, и утром пришлось её порезать на мелкие дольки, которые варились значительно дольше (как они там живут без нормальных тёрок?). Под стать моркови оказалась французская картошка, видать, мы взяли не глядя какой-то особо устойчивый к варке сорт. Поэтому вечером, с опозданием от графика минут на двадцать блюдо было подано, и детки уплели по две порции каждый, несмотря на поздний час. Старший даже взял с собой в предусмотрительно купленную герметично закрывающуюся банку почти литр (мату угостить, её он навещал на следующий день), а младший попросил почти слёзно оставить ему добрую порцию на завтрашний ужин. Вспомнив детство, они чуть не подрались за остатки борща. Я с неожиданным удовлетворением наблюдал их небольшую ссору. Миссия была выполнена, и отец взрослых детей мог со спокойным сердцем возвращаться в Питер. Двоих программистов накормил! Французских!

Водка энд Беларус консулэйт

Летом мы ждём американцев в деревню, дней этак на десять. Будут работать на бескрайних попадьинских полях и учить язык. Приятелю моему Джеймсу так борщ понравился, что он решил русским языком овладеть, да ещё сына своего младшего до кучи заставил изучать великий и могучий. Сначала будут два месяца его в Минске зубрить. Даже начали уже, два дня как. Надо надеяться, что учителя тамошние лучше Батьки по-русски говорят, а то какой смысл? Ведь я могу его к нам в деревню отвезти и там бросить деньков на двадцать, зачем два месяца тратить, так заговорит, что уши вянуть будут. Мой старший сын, что во Франции с рождения живёт, как-то постажировался на одном кожевенном производстве в Питере, так за две недели постиг всю глубину русского устного. Споткнулся о бордюор (он же поребрик) и вместо вполне нейтрального французского “Zut” (зют) – блин, выдал другое слово, начинающееся на те же буквы да ещё про чью-то мать продолжение завернул. У нас на заводах и стройках хорошо поставлено дело обучения русскому языку.

Но Джеймса заверили, что преподаватели его самые, что ни на есть грамотные и высококвалифицированные. Поэтому они выбрали Минск, там дешевле. Ну выбрали и выбрали, их право. Только вот одна загвоздка, кроме белорусской, нужна ещё и российская виза. У Джеймса-то есть, многора-

зовая, а вот сыночку надо делать. Тут требуется пояснить, что у нас с Белоруссией не такие безоблачные, как может показаться простому обывателю, отношения. Белорусы, например, на односторонней основе пускают к себе на пять дней без виз граждан 80-ти государств. Мол, приезжайте, тратьте ваши денежки, поднимайте белорусскую экономику, ничего. А что вы нашим соотечественникам только по визам разрешаете к вам в гости ездить, оно даже лучше, нечего им белорусские гроши менять лишний раз на доллары и евро, пусть на синеокой Родине их расходуют. Мы же себе такого позволить не можем. Ресурсов у нас побольше, переживём и без их трёхдневных секс-туров. Хоть и хватает у нас симпатичных женщин, но зачем же ими направо и налево разбрасываться? Да и как делать тем же американцам такие подарки, когда они нам на каждом углу козью морду строят? А с другой стороны, граница между Белоруссией и Россией формальная, получается, что может любой французско-арабский террорист запросто въехать в братскую республику и устроить теракт у нас! Вот и ввели снова контроль на белорусской границе. И не только. Ещё некоторые меры приняли. Сейчас расскажу.

Покушал с нами Джеймс борща в марте да надумал двинуть в Минск, чтобы посмотреть вживую на курсы языкового погружения. Регистрируется он в аэропорту, а ему – нет, фиг тебе с маслом, сама белорусская авиакомпания не пускает, даже до пограничника не дошёл. Потому что правила такие

наши российские, суверенные, мы не признаём белорусский однобокий безвиз, у нас единое таможенное пространство, поэтому нормы по отношению к вам, американцам, должны быть одинаковыми. Мало ли что там Батька вам позволяет, а мы не позволим! Будь любезен – получи белорусскую визу и тогда езжай хоть в Шклов, Могилёв и Старый Быхов. Ну и пришлось другу моему, не солоно хлебавши, переться в гостиницу при аэропорту (дело было вечером), прикорнуть в ней до четырёх утра, а потом грузиться на рижский рейс. Латвии-то плевать с высокой башни колокольни Домского кафедрального собора, есть у него штампик от слуг Лукашенко или нет, они посмотрят у себя в компьютере, проверят и пустят – может ехать. Вот так помучился Джеймс после борща, и билет пропал, пришлось новый покупать, и в двух гостиницах заночевал одновременно, и сам намаялся. Как говорится, «когда паны дерутся, у холопов чубы трещат!» Очень верно сказано.

Посему Джеймс теперь с особой тщательностью подходит к визовым вопросам. Мог бы сделать в Штатах своему отпрыску туристическую визу, но не захотел, а вдруг при выходе из поезда в славном городе Невель их остановит миграционная служба (станция-то пограничная) да спросит, а с какого это перепугу вы, господа иностранные туристы, в наш город прибыли, тут достопримечательности все война и советская власть угробили. Раньше надо было приезжать, до 1917-года, тогда Невель считался самым красивым уездным горо-

дом во всей губернии, а нынче, только раздолбанные дороги да покосившиеся заборы остались! Небось, потом на «Голосе Америки» про это клеветать будете?

Тут, понятное дело, я крайним оказался. Меня попросили, значит, сделать Митчеллу приглашение в Невель. Ну, я первым делом в местную гостиницу позвонил, а точнее, хозяйину её, знакомцу моему. Он на том конце виртуального провода от удивления чуть в дерево не въехал (за рулём был). «Нет, – говорит, – мы не знаем, что такое и с чем его едят, это подтверждение бронирования. У нас только случайные проезжие гости да командировочные из Пскова и Великих Лук останавливаются, по факсу бронируют. Ты мне образец пришли, тогда нарисуем». Понятно, прошлый век. Ладно.

Тогда я, в свою очередь, попросил супругу подумать, где бы найти этот самый образец. Она и вспомнила, что одна однокурсница турфирмой в Питере владеет. «Однако, – говорю, – тебе и надо этим заняться, твоя ведь однокашница». Так одной проблемой стало меньше, у меня меньше. Связалась Юля с давней знакомой, всё оказалось просто, ничего от гостиницы не надо, только адрес, а от американца – скан паспорта. Сказано – сделано, дали ей адрес, от Джеймса копию загранпаспорта сына. Он и выслал. Прилагаю.

PASSPORT
PASSEPORT
PASAPORTE

UNITED

Type / Type / Type

P

Surname / Nom / Apellidos

SELLERS

Given Names / Prénoms / A

MASON DELL

Nationality / Nationalité /

UNITED STATES

Date of birth / Date de naiss

23 Sep 1997

Place of birth / Lieu de naiss

TEXAS, U.S.A.

Date of issue / Date de déliv

15 Apr 2015

Date of expiration / Date d'ex

14 Apr 2025

Endorsements / Endorsements

SEE PAGE 27

Видимо, так должен выглядеть типичный молодой американец, темноволосый, со щетиной на подбородке, короче, недаром три с лишним века за океаном активно происходил

процесс кровосмешения, в результате у Джеймса с женой получился почти классический грузин, на папу не похож вовсе. Надо, значит, пригласить Селлерса-младшего, Мэйсона Делла. Правда, Джеймс всегда в переписке называл сына Митчеллом, но, видимо, это домашнее прозвище, так ведь часто бывает, дают одно имя, а в кругу семьи используют другое. Мы подобным образом поступаем со своими детьми. Не буду раскрывать тайну их домашних прозваний, тем более, что старший методом волевого давления на родителей отказался от него лет семь назад, а младший не любит, когда его так называют при посторонних.

Приглашение (правильнее сказать, ваучер) мы с Юлей (или я с Юлей, или она с подружкой) оформили за два дня. Я попросил адрес в Минске, куда уже высылать было собирался, благо идти до почтамта близко, как увидел в телефоне письмо от Джеймса. Ого, события приобретали оборот достойный голливудского триллера! В белорусском консульстве в городе Вашингтон потеряли паспорт Митчелла, и это выяснилось за два дня до вылета в Минск. Джеймс, собрав нервы в комок и всю энергию в сгусток, срочно рванул в офис паспортной службы и за день сумел там сделать новый выездной документ своему сыну! Меня, конечно, удивило то, что документами двадцатилетнего бугая занимается отец, но, возможно, там совершеннолетие наступает позже, к примеру, в двадцать один год. Так бывает. Вот автомат в руки восемнадцатилетнему юнцу давать можно, а виски с

содовой продавать нельзя, не дорос ещё. Но оставим за скобками мои философские терзания, всё-таки, согласитесь, за день сделать паспорт, это круто, такого ни у нас, ни во Франции представить себе не могу. Этого у американцев не отнять, там госслужбы, действительно, работают на человека, ну, если это не налоговая, конечно. Та будет первым делом блюсти шкурные интересы государства. Возможно, с Джеймса взяли по тройному тарифу, но кто ж тут деньги считает, на кону стояла вся образовательная поездка и, самое главное, увлекательный трудовой агротур в деревню Попадьино Псковской области!

«Прекрасно, молодцы!» – подумал я и тут же осёкся. – «Новый паспорт, новый, хм... значит, и ваучер надо новый делать?» Моя робкая мысль о том, что, мол, вдруг у них там, в прогрессивной Америке, могут благодаря каким-нибудь сверхсовременным технологиям заблокировать утерянный паспорт и просто восстановить его под тем же номером, была на корню зарублена Юлей: «Такого не бывает, – заявила она, – запроси у него ещё один скан, сделаем!»

Юля оказалась, как всегда, как все женщины, и особенно действующие (но не бывшие) жёны, права. Паспорт выдали с другими цифирками, Джеймс, кстати, даже не задумался над тем, что там совсем иные данные. Он написал мне в ответ, какой ужас! Ещё и приглашение переделывать! «Не дрейфь, – подумал я, – у меня есть Юля, она отнесёт ещё одну коробку конфет подружке, а полторы тыщи госпошлины,

это не деньги в данном случае». Скан получил и распечатал. Рассмотрел его и погрузился в состояние полного не дежавю. Моему удивлению не было предела! Теперь мне послали документ с фотографией совершенно другого паренька и звали его действительно Митчелл. Вот, смотрите.

Этому субъекту с лицом прожжённого боксёра не стукнуло ещё и восемнадцати! На папу опять же не похож. Поражённый и полностью растерянный я пишу своему другу, мол,

ты же в первый раз паспорт на другого сына высылал, надеюсь, сейчас правильный?

Представляю, как был ошарашен Джеймс моим письмом. Вот его ответ, привожу дословно и в оригинале (орфография тоже сохранена): «Ivan – unlike borscht – preparing legal documents for the government does not get better with vodka».

Перевод – «Иван, в отличие от борща, подготовкой документов для госучреждений лучше заниматься без водки». Борщ, напоминаю для тех, кто не читал, мы сварили при помощи двух бутылок французского вина, и он удался на славу, а письма мне, значит, мой американский друг, ностальгируя, отправляет, заправившись некоторым количеством нашего национального напитка. Что ж прощаю и уважаю. Действительно «VODKA CONNEKTING PEOPLE»! Даже прослезился: «Ничего, Джимми, в деревне, после того, как ты часа четыре помашешь косой и сбросишь килограмма два лишнего веса, я тебе на заработанный обед каждый день буду выставлять фронтовые сто грамм, ну а, если несовершеннолетний Митчелл откажется от своего гарантированного наркомовского пайка, то тебе достанется целых двести! Тут уже есть о чём задуматься, дружище! Заманчивая перспектива!»

Однако я отвлёкся, новый несерпастый и немолоткастый Митчеллу дали, но визы-то республики летящего белого аиста там нет. Её надо снова делать. Въехать, конечно, в Белоруссию Митчелл может, на бесплатные пять дней, но учиться и жить в забронированной через Airbnb.com квар-

тире – нет. Поэтому, сегодня, третьего июня они вылетели из Минска в Киев, дабы получить там, на вільной та демократічній Україні белорусскую визу. Ибо въехать на пять дней ты, гражданин с орлиным антимолоткастым паспортом, имеешь право, но продлить пребывание и получить долгосрочную визу – нельзя. Изволь сначала покинуть территорию независимого государства! Сколько они там будут мыкаться в ожидании зелёного света от белорусских властей – не знаю, а время обучения-то идёт, денежки за него заплачены, как и за арендованную квартиру в Минске, но пока отец и сын променяли её на какую-то киевскую гостиницу. Ну, у богатых свои причуды, ничего, потерянные часы обучения мы в деревне наверстаем, будем сдавать американских гостей в субаренду соседям, которые по-английски только «Хэлло и хэнде хох» знают. Телевизор у всех есть, образованные, значит.

А мораль сей басни такова – когда ты американец и любишь принимать горячительные напитки, готовя документы на визу, то тебе прямой путь в вашингтонское консульство Белоруссии. Ведь, кабы не потеряли белорусы паспорт Митчелла, то никто б и не заметил до последнего момента, что ваучер на другого сына выписан. Я так Джеймсу и заявлю при встрече, скажи спасибо, мол, нашему постсоветскому раздолбайству и твоей водке! Именно благодаря этим двум неизменным атрибутам нашего бытия ваша поездка и состоялась!

Новый американец

Есть такая известная категория людей как новые русские, хотя в последнее время они менее заметны. Но должны же быть тогда и новые французы, новые американцы. Вот мне и пришлось поближе познакомиться с одним представителем последней категории. Богатый человек, self made man, не унаследовавший состояние от родителей, то есть по этому критерию полностью соответствующий термину новый русский, американец и так далее. Я о нём сейчас и расскажу.

Приехал к нам в деревню мой давнишний американский знакомый Джеймс, познакомились по работе, имелся взаимный интерес. Правда я уже больше трёх лет как отошёл от дел, но прошлой осенью по старой памяти завернул на одну московскую выставку, по которой раньше даже вёл отсчёт времени – это было до выставки, или через два месяца после. Такой своего рода Новый Год, слишком многое к ней привязано. Туда же заявился и Джеймс со своим европейским представительством, целый стенд снял, у него в Китае три завода, надо же как-то их продукцию продавать. Ну и, конечно, не обошлось у нас с ним без коньяка. Это уже такая традиция, тем более, что очень оригинально пить настоящий французский коньяк из пластиковых стаканчиков, стоя за высоким столиком в виду отсутствия посадочных мест в выставочном кафе, прямо как в старой доброй советской рю-

мочной. Подобного уровня заведений в мире немного, а вот в Москве есть.

Джеймс был в курсе изменений в моей жизни и стал живо интересоваться, как же я занимаю своё свободное время, он-то ни минуты не может без дела. «Понимаешь, – говорю, – не так уж его и много, времени этого. Всё лето, к примеру, живём в деревне, а там всегда что-то найдётся поделать, хотя огород мы не держим». Приятель мой оживился, а какие, мол, дела без огорода (неужели у него в Техасе приличная такая плантация картошки для личного пользования?). «Да, – пробормотал я, – траву выкосить, она к нашему приезду дом прямо-таки в кольцо берёт, не дом, а кадр из фильма «После людей». Там про то, как, когда исчезнут все народы планеты, всё будет рушиться – дома, мосты и прочее. Так вот наше деревенское жилище клёны и трава съедят лет за десять, не больше. «Понятно, – соглашается Джеймс, – а потом, ну вот выкосил ты, дальше что?» Ну и я под воздействием горячительного напитка стал живописать ему нашу «тяжёлую» деревенскую жизнь, мол, не одно так другое, то стройку какую затеем, то что-нибудь поломается, то без света после грозы сидим три дня, воду для всех нужд из родника носим, в гору да по два ведра. Тогда Джеймс спрашивает: «А зачем так мучаетесь?». Я подумал-подумал, как сказать-то, как донести свою мысль до сытого, развращённого цивилизацией американца и, видимо, совсем разомлев от коньяка, бухнул полную ерунду: «А мы такие, любим помучать себя!» Тут при-

атель меня и ошарашил: «Я тоже хочу!» Заказав ещё по фужеру, то есть по пластиковой стопочке «Мартеля», мы ударили по рукам. Правда, я решил всё же разбавить перспективу каторжного труда чем-нибудь приятным и пообещал ещё и рыбалку на тихом озере под закатным солнцем. Договорились, следующим летом он заедет к нам дней на десять, на сколько дела позволят, повторяю, три завода в Китае требуют постоянного присмотра.

Нет, Джеймс как осторожный, настоящий американец сразу на минное поле не полез, в деревню то есть не пошёл. Мало ли что. Он сначала провёл разведку боем, заехал к нам в марте в Питер, посмотреть, наверное, как живём, он хоть и бывал в России, хоть и отважный человек, судя по всему, но про медведей на улицах тоже слышал. Посмотрел, убедился, всё прошло культурно, сварили с ним борщ, сходили в филармонию, в Русский музей, даже на избирательный участок завернули, там как раз Путина выбирали, очередь стояла из курсантов, им, видать, приказали «приходите в одиннадцать», они и явились все в одно время. В общем, проверку мы прошли, в показаниях не путались, отдать Джеймса на растерзание медведям не пытались. Обычные люди, таких, подумал Джеймс, в Штатах полно и ещё сильнее захотел приехать в деревню и младшего сына с собой в нагрузку взять.

У себя в Техасе он даже стал ностальгировать по будущей поездке в Россию, закончит дела рабочие, потом возьмёт себе из громадного буфета бутылку с наклейкой «Stolichnaya»,

наполнит гранёный стакан до краёв и начинает как Штирлиц мурлыкать себе под нос «Katyusha». Из-за этого с визой для сына чуть казус один не случился, о том отдельный рассказ написан – «VODKA AND BELARUS CONSULATE». Они должны были сначала ехать в Минск, где в одной волшебной школе по четыре часа в день «погружаться» в русский язык. Джеймс ведь ещё и его захотел изучить. Я, кстати, очень обрадовался такому решению и написал ему, что в деревне буду говорить только по-русски, продолжим «погружение».

Наконец подошёл долгожданный день «Д». За пару дней до него у меня прихватило спину, плохо, а как же запланированные и обещанные работы? Да ещё ехать встречать на станцию Великие Луки (час с лишним туда, столько же обратно). Сиденье машины в таких ситуациях мне противопоказано больше всего, а, кроме меня, никто у нас не водит. Заказать встречу таксистом американца, даже фотографии которого под рукой не оказалось, было не реально. Ладно, как-нибудь отлежусь на аппликаторе Ляпко, уже случалось. Но как-нибудь не получилось, в среду, первого августа, в шесть утра я сел в машину долго, хотя накануне вечером казалось, что дело пошло на поправку. До желанной станции я едва доехал, вылезти из кабины оказалось ещё труднее, вышедшая из подчинения спина не хотела разгибаться. Всё-таки выбрался кое-как из своего машинного плена. Джеймс при встрече захотел меня обнять, еле успел отстраниться. А на обратном пути пришлось ещё заехать в невельские мага-

зины и на рынок. Должен со всей ответственностью заявить, что со скрюченной спиной по «Пятёрочке» ходить гораздо легче, чем по рынку, в ней гуманнее, можно держаться за тележку, не упадёшь. По приезду домой я покидал салон нашего авто при помощи Митчелла, семнадцатилетний сынок моего друга оказался способным извлекателем ушибленных мужиков из машин. Даже для простого проведения времени с гостями за столом я был совершенно не пригоден, не говоря уже о косьбе и рыбалке. А ведь уже договорился с соседом насчёт более приличной, чем наша, лодки. Всё летело в тартарары.

К счастью, у нас гостила в тот день ещё и Инесса (см рассказ «ИНЕССА И РЕБЯТА»). Она оказалась не только харизматичным организатором расчистки земельных участков, но и умелым массажистом, как раз по спинным проблемам, её старания вернули меня к жизни, то есть к гостям.

Кстати, по-русски они за два месяца так и не заговорили в минской школе. То я понял ещё в машине, Джеймс отвечал на мои простейшие вопросы при помощи телефонного переводчика, при этом он не всегда мог правильно прочитать ответ. Пришлось опять общаться на языке Шекспира. Не знаю, чему их учили, кроме «спасибо», «хорошо» и «меня зовут», больше ничего они из себя выдавить не могли. Вначале я, вспомнив свой педагогический опыт, пытался медленно произносить самые примитивные фразы и при необходимости дублировать их на английском, но вскоре и от этой затеи от-

казался, всё было слишком запущено. Джеймс мотивировал это тем, что после занятий он много времени посвящал своему бизнесу, постоянно работал с файлами, с данными о продажах и закупках, висел в скайпе. Но, приехав к нам, он первым делом отправил рассылку в свою компанию с примерно таким текстом: «Джеймса нет восемь дней, по всем вопросам обращайтесь к нему с 9-го августа» (Он посчитал ещё и обратный перелёт).

Однако программу хоть какую-то надо было провести и для начала я, придерживая спину обеими руками, повёл гостей знакомить с деревней и её обитателями. В ней целых двенадцать домов и пять постоянных жителей, хотя в тот день квартировало аж двадцать шесть человек. Нет, это не взвод солдат пришёл на постой, это съехались такие же как мы, дачники, ну и их гости. Только у нас столовалось девять персон. Правда, для американцев понадобилось выделить отдельный дом, у Джеймса аллергия на кошек, а посему он не мог ночевать под присмотром нашего домашнего хищника. Хорошо, одна изба в деревне нашей пустует круглый год, и в ней даже имеется цивилизованный туалет с водопроводом.

Обитатели Попадьино к иностранцам привычные, сюда приезжают мои французские сыновья, а наследники покойного соседа Михаила Ильича (рассказ «ИЛЬИЧ») живут в Италии и тоже заезжают вместе с его правнуком Анжело раз в год на малую родину. Так что с появлением американцев

количество гостивших иноземцев только немного увеличилось.

Но знакомства знакомствами, а я ведь обещал физический труд, долгожданную работу дать американскому капиталисту с сыном. А мне и ходить много нельзя, не то что косой махать. Как тут поступить? Я же привык личным примером, ну хотя бы в начале, как пелось в одной старой песенке «капрал командует вперёд, а сам немного отстаёт». Выручил сосед Витя, увидев гостей и меня, держащегося за спину и косу одновременно, он выхватил у меня из руки инструмент и стал показывать Джеймсу как надо действовать. В переводчике он не нуждался. Активно жестикулируя и изрядно разбавляя свой словесный поток идиомами русского устного, он наставлял:

– Так не коси, твою мать, вот так коси, да поменьше забирай, б...

И Джеймс, который при малейшей возможности говорит «спасибо», «пожалуйста» и придерживает дверь дамам (что европейцам и американцам вообще не свойственно), повторяет:

– Харашо, б.., less”

Вот говорил же я Джеймсу, что не надо никаких навороченных курсов, пару недель бы всего лишь с Витьком поработал и основы языка Пушкина были бы усвоены на всю жизнь. Бесплатно.

Так мой американский гость учился косить, целых два урока получил, зато в третий раз лихо скошил нам участок под видовой столб с табличкой Рорад'ино, сам его смазал отработанным маслом и установил в выкопанной опять им же яме. Снова парадом командовал Витя. Набор фраз был примерно всё тот же. После трудов праведных я позвал соседа опрокинуть с Джеймсом по рюмочке, к моему удивлению Витя не стал ссылаться как обычно на неотложные де-

ла. За первой и второй стопочками разговор Вити с Джеймсом продолжился, сосед предложил американскому гостю зайти к нему (в переводе с местного диалекта это означает выпить ещё) и сплавать проверить сети. Мне, однако, последняя идея совсем не импонировала, посему, прибегнув ко всем возможным ухищрениям, удалось перевести разговор на другую тему.

Сыну Митчеллу накануне достался демонтаж сгнивших футбольных ворот и установка заранее заготовленных под штанги осиновых столбов с монтажом перекладины. Нельзя сказать, что мы не готовились к приезду гостей – свежесрубленные осины нам привёз всё тот же Витя, а мы ободрали кору и дали деревьям высохнуть от сока. Долбил сухую глинистую землю с бетонными подошвами от старой конструкции, выковыривая оттуда Бог весть каким образом оказавшиеся железяки, и придерживал штанги опять же папа семнадцатилетнего американца.

То есть различными работами мы нового американца с сыном не обделили, тут было всё без обмана, не очень получилось с рыбалкой, поскольку потенциальный учитель был не в форме, зато они научились проверять рыбные ловушки и каждый день во время свободное от застолья плавали на нашей прохудившейся лодке на другой берег озера. Им даже понравилось, постоянно вычёрпывая прибывающую воду, вытаскивать из травы тяжёлые верши, и доставать оттуда руками извивающихся скользких линий. Однажды выта-

щили всё подчистую, включая мелких краснопёрок, не оставив приманки щукам, я спросил почему. Митчелл ответил, смущённо улыбаясь: «Мне очень понравилась вчера жареная рыба, можно сегодня ещё поджарить?» Тут я с ним согласен, чем меньше озёрная рыба, тем вкусней она после жарки, её можно лузгать как семечки вместе с костями.

Но Джеймсу всё равно не хватало. Он часто приходил и, привычно улыбаясь, спрашивал по-русски: «Работа?» Так однажды мы их двоих отправили в магазин на велосипедах. Там они объяснялись с продавщицей Надей. Как-то жестикулировали, наверное, если только у Нади вдруг не проснулись дремавшие в ней целых двадцать лет школьные знания живого английского языка. Вернулся один Митчелл, мы удивились, но ненадолго. Митч объяснил, что папа хотел купить, как водится в Америке и в Европе, дюжину яиц, но Надя меньше, чем по пять не продавала, поэтому пришлось взять пятнадцать, и пять по дороге Джимми грохнул. Поэтому вернулся, чтоб докупить. Это ему удалось, но приехав домой, он выбросил полиэтиленовый пакет с не растёкшимися, а просто лопнувшими слегонца яйцами в пищевые отходы. Наши хозяйки из любопытства осмотрели выброшенный продукт и ухмыльнулись: «Кто ж это выкидывает?» На следующее утро Джеймс с сыном аппетитно лопали яичницу. «Very tasty» (очень вкусно), – похвалил наш американский гость. Но когда Джеймс узнал из чего было сделано вкусное блюдо, он не удивился, ну мы же в России, тут все бомжи едят пря-

мо в мусорных контейнерах.

Однако одной поездкой в сельпо не умоешься, приходится придумывать ему мелкие задания, стало лишь немного легче, когда на три дня приехала его московская знакомая, мы её поселили на веранде, и часть времени Джеймса уходила на общение с ней. Но иногда у него выдавался период сладостного ничегонеделанья, тогда он ходил по деревне босиком, стрелял у Вити сигареты (Американский мультимиллионер! Тем больше гордился Витя), дымил понемногу. Меня это очень удивляло: «Ты же не куришь?» Ответом было: «С друзьями курю!». Улыбка не сходила с его лица, он улыбался нам, улыбался всем встречным, улыбался отпущенным погулять вечером цепным псам, было видно, что он абсолютно счастлив. Витя, как-то делаясь с ним контрабандными белорусскими сигаретами с такой же, как у наших, красивой картинкой «ИМПАТЭНЦЯ», затащил к себе показать хозяйство. Это надо представить – высокий, крупный Джеймс и маленький, сгорбившийся Витя с крючковатыми руками, всё время пытающийся что-то объяснить своему американскому другу при помощи коротких, но ёмких слов и языка жестов. Первым делом Витя показал Джеймсу кроликов, даже предложил одного в подарок, тут подоспел я и сумел убедить соседа не настаивать. Вообще они прекрасно обходились без меня, когда Витя совал Джеймсу очередной перчик, тот спросил: «For me?» Ответом было красноречивое движение руки ко рту, сопровождаемое имитацией выдоха после

опрокидывания стопки: «Да, бери! Знаешь, как хорошо им закусывать?». Потом нарвал гостю целую корзину помидоров в теплице: «For me also?»— «Тебе, тебе!» Джеймс, естественно, бросил дары в общий котёл, зато вечером того же дня, видать, договорившись с Витей о чём-то очень конкретном на понятном обоим языке жестов, американский гость спросил, может ли он взять бутылку водки. Получив утвердительный ответ, он быстрым шагом направился к Витиному дому и провёл там часа два. Есть и пить после этого он уже не хотел.

Но, к слову сказать, кулинарная часть программы тоже удалась. Вообще-то Джеймс обладает довольно тучной фигурой, слегка стесняется этого и пытается как-то бороться с лишним весом, но тут ему было не до борьбы. Жена с подругой расстарались – кабачковые драники со сметаной, солёные огурчики под водочку, шашлыки с помидорами трёх видов, молодая картошка в мундире с деревенским салом с прожилками, блины со сметаной, ленивая яичница жареная на белом сале (это было открытием для Джеймса: «Как? Жарить на сале?» – «Да, тебе понравится!») – всё то, чего так Джеймсу не хватает в Техасе. Для полноты впечатлений я опять сделал его любимый борщ, а приехавший к нам на день позже американцев друг из Питера привёз в подарок новый казан и забацал в нём настоящий плов с бараниной. Кроме того, соседи регулярно приносили нам, городским лентяям, дары своих садов и огородов, кто кабачками одарит, кто

огурцами, кто яблоками, а кто и нальёт своей, не магазинной.

Джеймс был так впечатлён, что выразил желание угостить всю деревню, уже не двадцать шесть, а тридцать одного на тот день человека. Меня давно посещала подобная идея, но я понимал, чтобы люди пришли, нужна какая-то изюминка, какая-то объединяющая идея. Мы совсем недавно прознали про старую деревенскую традицию «брыксов». Это когда вся деревня собиралась, каждый что-нибудь приносил, приходили и из соседних селений, и начинались гулянья с песнями и плясками под гармошку. Такое бывало один-два раза в год, не чаще, и постепенно сошло на нет по мере сокращения населения. Мысль Джеймсу подбросил всё тот же дружок Витя, мол, раньше выставлял кто-нибудь поросёнка, и всё действие вокруг него крутилось. На вопрос моего американского друга где его купить, я не смог ответить, наверное, где-то в Невеле можно, но не так чтоб вот сел, поехал и сразу взял.

Юля нашла выход из ситуации:

– Он тебе всю правду не сказал, поросёнок должен быть ворованный!

Но Джеймса и это не остановило:

– Где я могу украсть поросёнка?

Мы немного опешили, но не сдались, пораздумав, ответили, думали, пошутили:

– Да на Великолукском мясокомбинате, у них в районе миллион голов свиней, украдёшь одну – не заметят!

Джеймс уже было стал спрашивать, где ближайшая фер-

ма, тут мы его успокоили:

– Вообще-то можно и не воровать, а просто купить в магазине, что там есть, так дешевле будет.

Хорошо, американский мультимиллионер согласился и поехал (13-ти летний Матвей за рулём) в ближайший магазин (в далёкий, аж за десять километров, Невель я ехать не захотел, то есть не соответствовал официальному нормативу промилле, друг ведь всё время предлагал налить).

В наши дни «брыксы» помнили только те, кому не меньше шестидесяти, да и то они в них участвовали подростками. Получалось, что наш американец, сам того не ведая, хочет возродить старое деревенское веселье. Он спросил ещё, а как это организовать? Ну что-то, а организовывать мы умеем, стульев не хватит, так на кромке фундамента посидим. Я обошёл деревню, согласились не все, кого держало хозяйство, кто-то оказался идейным противником мероприятий с участием алкоголя, кто-то просто постеснялся. Уверенности, что «брыксы» удадутся, получатся массовыми, не было, однако, до самого начала.

Но действовать пришлось. В деревенском райпо Джеймс скупил все имевшиеся там колбаски, куриные крылышки и чуть ли не половину наличия водки – вина дома ещё оставалось бутылки четыре, хватит, это среди наших соседей не самый популярный напиток. Потом развели огонь в мангале и в казане (его пришлось использовать только как дополнительный мангал), вынесли два стола и все стулья с табурет-

ками, а их у нас немало, собрали стаканы и чашки, нашлось нужное количество тарелок и вилок.

И народ пришёл, человек двадцать пять, считая детей. «Американец позвал!» – многозначительно говорили друг другу селяне и дачники. Джеймс чокнулся со всеми, у него были припасены для какой-то надобности малюсенькие железные стопочки. «Предусмотрительно! – подумал я, – так не напьёшься!» С каждым участником посиделок Джеймс обменялся парой слов, переводчиков хватало, а иногда они вовсе не требовались. Веселье пошло, принесли гитару, дети затеяли футбольный матч с участием двух легионеров – итальянского вратаря Анжело и американского нападающего Митчелла, а взрослые запели песни. Джеймс тоже захотел спеть своё, из штатовской эстрады, наш гитарист совершенно случайно оказался знатоком заокеанских песен. Так они и пели вдвоём под аплодисменты присутствующих. В конце веселья расчувствовавшийся Джеймс едва не пошёл плясать «Русскую» и заявил, что обязательно приедет и в следующем году и снова всех позовёт на «брЭксы».

Назавтра после неременной бани американцы уехали, пребывание их получилось более коротким, чем рассчитывал изначально Джеймс – всего шесть дней. Китайские заводы звали его своими истошными гудками. «Тем более в следующем году придётся компенсировать!» – сказал я. Гость согласился. «И никаких курсов в Минске, – добавил, – лучше погружайся здесь!»

В письме из франкфуртского аэропорта в ожидании рейса в Даллас он написал мне: «Спасибо за прекрасное время и огромное гостеприимство. Я не понимаю, почему всё так быстро прошло. В следующий раз приеду на более длительный срок!» А я подумал: «Спасибо за покос, за футбольные ворота и столб с вывеской «Рорад'ино», за «брыксы» тоже отдельное спасибо. Ведь в деревне теперь спрашивают, когда следующие. Но частить не будем, дождёмся Джеймса, нашего нового американца. Вот нам бы таких новых русских!

Инесса и ребята

У нас в деревне появилась новая соседка. Такая очень деятельная и весьма целеустремлённая женщина с симпатичным рисунком лица и очаровательной улыбкой. Инесса Валентиновна Зайчик. Фамилия, конечно, редкая, но совсем не романтическая, полученная (справедливости ради открою страшную тайну) от супруга. У них в семье все Зайчики и большие, и малые. Самый главный Зайчик – муж Эдуард Самуилович, потомство тоже Зайчики. Дети, когда маленькими были, своей фамилией порой вводили взрослых в ступор. Старший сын в первый, самый грустный, день детства на вопрос: «Ну как тебя зовут, мальчик?», поднял на тётю полные вековой печали избранного народа глаза, доставшиеся от деда Зайчика, затем тихонько протянул: «Я-а-аник...». Тётя на этом не остановилась и спросила фамилию. Свою фамилию Яник в четыре года знал чётко, этим фактом гордился и уже бойчее заявил: «Зайчик!» Сотрудница детсада разочарованно вздохнула: «Нет, Зайчиком тебя дома зовут, а фамилия-то какая у тебя?». Ребёнок немного растерялся: «За-айчик!», произнёс он с небольшой дрожью в голосе. Говорят, тётя допытывалась минут пять, пока не устала, и не решила посмотреть в бумагах.

Детьми, кстати, Инесса Валентиновна занималась очень ответственно, кормила их по расписанию и только правильно-

ной, ей самой приготовленной пищей, водила по разным кружкам, приобщала к книгам и культуре. Но дети выросли, даже младшая уже по росту догнала маму, отказывалась есть манную кашу и носить школьную форму. Муж всегда много работал, а одного интернета и фитнеса для деятельной натуры нашей героини не хватало. Ей нужно было приложить свою энергию на какое-нибудь конкретное дело, принять его на этапе нулевого цикла и довести затем, как ребёнка, от пелёнок до магистерской мантии.

И ей повезло. Приехали они как-то к нам в деревню, погостить. Лето в тот год холодное выдалось, в Питере вообще температура выше шестнадцати-семнадцати градусов редко поднималась. В наших краях, на юге Псковской области, природа погуманнее обходилась с людьми, но тоже по-настоящему жаркие дни наступили только в двадцатых числах июля, аккурат под приезд Зайчиков. Можно себе представить, как они наслаждались долгожданным летним теплом после хмурого питерского межсезонья, когда дождливая весна никак не спешила заканчиваться, а на пороге уже маячила грустная осень. Наконец можно было безмятежно поваляться на солнышке, подставляя его жарким лучам свои бледные бока. Водичка в озере тоже прогрелась до такой степени, что даже самые закоренелые мерзляки отваживались не только поплескаться на мелководье, но и попугать любопытных чаеток, глазевших с середины водоёма на редкую до тех благодатных деньков картину с купальщиками.

Больше всех неожиданно возникшая жара устраивала Инессу. Они тем летом почему-то не съездили в знаменитые крымские здравницы с громкими названиями «квартира сдаётся», «свободное место для палатки» и т.д., и ей очень не доставало томного лежания на самом солнцепёке с книжкой в руках. Хотя, надо сказать, Инесса Валентиновна обладает поистине кипучей энергией, если есть какой-нибудь фронт работ, то она сразу же бросается на него как на амбразуру вражеского дота. Так, едва появившись на пороге нашего дома, она отобрала у моей жены бразды правления кухонным хозяйством. Юля беспрекословно и с чувством огромного облегчения сдала пост номер один и вернулась к своим любимым деревяшкам. С того дня мы чаще всего наблюдали через широкое окно кухни только её загорелую спину, перетянутую бретельками от купальника, спина постоянно вертелась около бани, где Юля развернула настоящую походную столярную мастерскую. Бретельки могли менять местоположение для большей однородности загара, спина – нет, варьировала лишь степень наклона – он исчезал, когда надо было что-то отпилить на козлах и достигал максимума при выпиливании мелких деталей из лежащего на кирпичах огромного куска фанеры.

А на кухне всё кипело, томилось, пыхтело, какая-то сумасшедшая масса продуктов одновременно варилась и жарилась. Сырьё для кулинарных изысков привезла с невеликого рынка тоже Инесса, правда, благодаря послушному су-

пругу Эдику («ну хорошо, Инчик, поехали»). Задвинутым на задний план хозяевам оставалось заботиться лишь о том, чтобы на столе не переводилось вино. Инесса даже позволяла себе невиданную для гостя наглость, встав в семь утра, она начинала трудовой день с мытья полов в нашей просторной кухне-столовой. Но когда на плите больше не оставалось места из-за аппетитно скворчащих сковородок, с нетерпением ожидавших, чтобы гостеприимные хозяева и неназойливые гости общим числом одиннадцать человек удостоили их своим вниманием, и когда в холодильнике просто было не протолкнуться из-за кастрюль с супами и огромных салатниц, вот тогда Инесса с чувством выполненного долга уходила на сеанс медитации с солнечным светом. В наших местах ей очень нравилось, тут было всё, что требовали её душа и тело – солнце, природа с красивыми видами и возможность приложить свою фонтанирующую активность к разным видам деятельности.

В один прекрасный день, с горки, где раз в неделю останавливается автолавка, она взглядом самого известного в мире корсиканца оглядывала наше неширокое, но вытянутое в длину озеро, попутно осуществляя ревизию деревенского имущества, и тут обратила внимание на одну малозначущую, на первый взгляд, деталь.

– Ваня (это она автору, извините, забыл представиться – Иван Владимирович Карасёв), а где бабуля, которая в наш прошлый приезд всё время в окне торчала?

– А нету бабули, померла 22 июня прошлого года. Под приезд автолавки померла, утром ещё Паше заказ сделала, а продукты уже некому давать было, остывшая лежала.

Кто такая или такой Паша наша гостя пропустила мимо ушей, эта информация не заслуживала топов в новостной ленте сознания Инессы. На самом деле это была ухаживавшая за старушкой соседка Прасковья.

– А чей дом теперь?

– Да ничей, с мая его внучка Ирка продаёт. Знакомый один смотрел, но отказался, говорит, что за те же деньги он в три раза ближе к Питеру купит. Долго, видать, продавать будет.

– А можно заглянуть внутрь?

С этого вполне невинного вопроса всё и началось. Дело в том, что домик покойной бабы Гали стоит на очень интересном месте. С него открывается самый лучший, во всю длину, вид на наше небольшенькое, но такое живописное, озеро. Только родители её, построившие хату, следовали древнему крестьянскому правилу – с северной стороны стена должна быть глухой, а то зимой топить замучаешься. На озеро-то чего пялиться из окна, ты и так его каждый день видишь. Поэтому из самой избы собственно вида не было в виду полного отсутствия окон с нужной стороны. Но ведь участок-то продавался вместе с избой. Этого Инессе объяснять не нужно было.

Тут надо сделать маленькое отступление. Баба Галя са-

ма по себе была исключительно интересным персонажем. Её муж спился и умер лет за десять до описываемых событий. Пил он в их доме, напротив того, который мы называем Галиным, ей это надоело, и после смерти родителей она переселилась в их избу. Так они и жили дружной семьёй, каждый в своей хатке. Постепенно у Гали стал ухудшаться слух. Разговаривать с ней стало трудно, проще было написать что-нибудь на листочке, и только Паша как-то умудрялась с ней общаться. Раз падал слух, Галя почему-то решила, что и зрение тоже должно падать. Она могла встретить кого-нибудь и делать вид, что не распознаёт человека, хотя все видели, как она, экономя электричество, читает газеты, чуть ли не прилипнув к окошку. Нужна была определённая встряска, чтобы она забыла о своём слабовидении. Однажды она пришла в наш дом, я только-только стал наводить в нём порядок. Это было бывшее жилище её мужа, он даже не подметал последние лет десять, из принципа, наверное, культурный слой создавал для археологов 25 века. Песка и грязи над половыми досками накопилось сантиметров семь. На пороге ссохшаяся и сгорбленная баба Галя наткнулась на здорового мужика из соседней деревни, которого я позвал наладить печку. Они были знали друг друга всю жизнь, точнее всю его жизнь, он родился лет на пятнадцать позже Гали. Столкнулись, можно сказать, лоб в лоб. Баба Галя сделала вид, что не узнаёт.

– А ты кто? – удивлённо спросила она.

В ответ услышала:

– Х.. в пальто! – знакомый её за словом в карман не лез.

– А-а-а, это ты, – разочарованно промолвила Галя.

Оказывается, она даже такое имя знала, Х.. В Пальто. А вообще она очень скучала, и когда я, уезжая из деревни в очередной раз, приносил ей конфет, она спрашивала: «Когда в следующий раз приедешь? Ты приезжай, приезжай!» Мы и приезжаем, Гали уже нет, а мы всё приезжаем. Теперь, правда, не только мы, но ещё и некоторые другие. Но об этом позже.

Итак, ключик от дома взяли всё у той же Паши. Хата бабы Гали ничего особенного из себя не представляла. Маленькая, тесная избушка с застоявшимся запахом гнили и старости, прохудившаяся кровать с десятком импровизированных матрасов, совсем как для принцессы на горошине. В сенях в тканых мешках для строительного мусора высилась собранная внучкой с мужем гора всякого хлама, подлежавшего вывозу на свалку. «Это тоже продаётся?» – ухмыльнулся Эдик. Мужа, конечно же, пригласили посмотреть «чудесный домик», хоть он и был страшно занят с детьми игрой в дартс. Ответом явился уничтожающий взгляд Инессы, в довершок она припечатала мужа короткой репликой: «Ты ничего не понимаешь, место какое и какая тут энергетика!» Эдик счёл за лучшее промолчать в надежде, что в Питере энергетика забудется и отодвинется на третий, четвёртый план в ряду повседневных забот и проблем.

Но не забылось, не отодвинулось. Весь конец лета, весь

сентябрь и весь октябрь Эдику напоминали о таком невероятном, раз в жизни приходящем, шансе купить участок с волшебным видом на озеро. Эдик занял глубокоэшелонированную оборону на Лужском рубеже, отстреливаясь из-за бруствера окопа до последнего патрона: «Инна, дальше Луги для нас земли нет!» Его можно понять, шесть часов езды в одну сторону при отсутствии пробок и ремонта дороги. Так все выходные проведёшь в машине. В конце концов, патроны, даже холостые, кончились, и муж Инессы следуя древнему женскому правилу «Проще дать, чем бесконечно объяснять почему нельзя», подписал почётную капитуляцию и выделил требуемые внучкой бабы Гали сумму. Но при этом гарнизон покидал Лужский рубеж с оружием и с условием – всем должна была заниматься супруга, хотя бы на первых порах. Эдик надеялся, что запал жены иссякнет, когда её лодка упрётся во льды деревенской реальности. Как он плохо знает свою жену!

В холодном и мрачном питерском ноябре регистрационные органы зафиксировали сделку между Инессой Валентиновной Зайчик и вступившей некоторое время назад в законное наследство Ириной батьковной такой-то. Покупательница была счастлива, как радовалась другая сторона сделки, можно себе лишь представить. В наших краях дома продаются годами, а то и десятилетиями. Я тоже испытал огромное удовлетворение – появились хорошие соседи, да ещё и друзья в придачу. Честно говоря, мы очень боялись,

что домик бабы Гали в конце концов купит какой-нибудь жлоб и построит на его месте трёхэтажный особняк, высоким забором огородив участок и заодно общественные земли на спуске к озеру (судись потом с ним!). Сколько угодно таких историй случается, не хотелось, чтобы она произошла в нашей деревне, здесь никто не с кем не ссорится, даже по-соседски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.